

УДК 1(091)

В.В. Оглезнев

ОБЕЩАНИЕ, УСЛОВИЕ ИСКРЕННОСТИ И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ*

Представлен анализ условия искренности как необходимого требования к успешности речевого акта на примере подходов Дж. Сёрла и Р.А. Юрьева. Показано, что условие искренности в форме «S намерен совершить A» является необходимым условием совершения речевого акта обещания, а правило искренности в форме «Обещание должно произноситься, только если S намерен совершить A», конституирующее обещание как речевой акт, является достаточным условием понимания (распознавания) того, что дается обещание. Это привело к выводу, что требования Дж. Сёрла и Р.А. Юрьева признать неискренние обещания обещаниями, а, следовательно, речевыми актами, являются несостоятельными и необоснованными.

Ключевые слова: обещание, условие искренности, конститутивные правила, обыденный язык, речевые акты.

Идея написания данной статьи возникла как результат дискуссий с Р.А. Юрьевым о теории речевых актов Дж.Л. Остина и Дж. Сёрла. В частности, в статье Р.А. Юрьева «“Гильотина Юма” и теория действия в аналитической и феноменологической философии» мною были высказаны некоторые замечания [6. С. 183–184], которые касались не только и не столько теории действия, но по большей части анализа ее автора речевого акта обещания и интерпретации им подхода Сёрла к этому вопросу. А поскольку Р.А. Юрьев соглашается с основными содержательными тезисами Сёрла касательно обещания и, более того, пытается развить их до уровня инструментов возможного решения проблемы Юма, это позволяет утверждать о наличии единого подхода Сёрла – Юрьева к анализу обещания. Против изложенных мной (хотя и в краткой форме) в вышеупомянутой работе Р.А. Юрьева критических возражений автор выдвигает ряд серьезных тезисов, каждый из которых требует отдельного и внимательного рассмотрения. В этой же статье я остановлюсь исключительно на исследовании подхода Сёрла – Юрьева к обещанию, что позволит, во-первых, указать на некоторые противоречия, имеющиеся в этом подходе, во-вторых, оспорить контраргументы, которые были высказаны Р.А. Юрьевым в его статье [6. С.184, 186–187], и, в-третьих, прояснить свою позицию по этому вопросу и изложить ее более подробно.

Основная идея проекта философии языка Сёрла заключается в тезисе, что «говорить – значит совершать действия согласно правилам» [10. С. 36–37]. Сёрл, защищая Остина от необоснованных, по его мнению, выводов П.Ф. Стросона¹ об ограниченной конвенциональности иллокутивных ак-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 12-33-01380а2, № 13-33-01289а2), Совета по грантам Президента РФ (проект № МК-2149.2014.6).

¹ Стросон, привлекая для анализа речевых актов аргументацию Грайса относительно значения языковых выражений [1], указывает, что лишь некоторые иллокутивные акты (а не все, как указывает Остин) являются конвенциональными, только в том смысле, что для их реализации необходимы экстралингвистические соглашения. Из чего им делается вывод, что основные речевые

тов, указывает, что деление на конвенциональные и неконвенциональные речевые акты не имеет значения, поскольку это деление основано на неправильном понимании идеи Остина о различиях между пониманием иллокутивной силы и перлокутивным эффектом. Сёрл настаивает, что желаемое воздействие значения выражения заключается не в том, чтобы вызвать речевой отклик у слушающего или сделать так, чтобы он повел себя определенным образом, а в том, чтобы ему стали известны иллокутивная сила и пропозициональное содержание высказывания. Эта мысль нуждается в дополнительном прояснении, что мы далее и сделаем. По его мнению, некоторые речевые акты (например, обещание) могут быть осуществлены только в системах «определяющих» (конститутивных) правил, а языковые конвенции (в естественных языках) реализуют эти глубинные определяющие правила. Следует заменить, считает Сёрл, понятие конвенции понятием правила, что позволит показать, что иллокутивный акт есть действие, подчиняющееся соответствующим правилам. Семантику языка в таком случае следует рассматривать исключительно как систему конститутивных правил, лежащих в основании речевых актов.

Но что Сёрл понимает под «правилами»? И чем критикуемые Сёрлом конвенции Стросона отличаются от его конститутивных правил, реализуемых при помощи этих же конвенций? Под словом «правила» он понимает конвенциональную связь между определенным рода актами и их социально обусловленными следствиями (результатами).

Эти правила он называет *конститутивными* подобно тому, как правила шахмат конституируют игру в шахматы. Совершить иллокутивный акт – значит следовать определенным конвенциональным правилам, которые конституируют этот акт. Но чтобы выявить эти правила, необходимо сначала исследовать условия, при наличии которых совершение иллокутивного акта могло бы быть успешным. Каждому такому условию успешности совершения акта соответствует правило, индексирующее иллокутивную силу речевого акта. Это Сёрл демонстрирует на примере актов обещаний – особом виде иллокутивных актов, которые он описывает как «вполне формализуемые и ясно выраженные» [10. С. 54] и из исследования которых можно извлечь полезные «уроки общего применения» [10. С. 54]. Сёрл утверждает, что эти условия представляют собой множества связанных суждений, из которых можно вывести суждение об успешности данного говорящим обещания, а из суждения, что говорящий дал обещание, вывести это множество связанных суждений. Причем каждое отдельное условие будет необходимым условием для совершения акта обещания, в то время как множество этих условий будет достаточным условием для этого акта.

Пусть говорящий S произносит предложение T в присутствии слушающего H , тогда при произнесении TS искренне обещает H , что p , если и только если соблюдаются следующие условия [4. С. 67–72]:

- (1) Соблюдаются условия нормального входа и выхода.

(2) *S* при произнесении *T* выражает мысль, что *p*.

(3) Выражая мысль, что *p*, *S* предсказывает будущий акт говорящему *S*. Условия (2) и (3) называются условиями пропозиционального содержания.

(4) *H* предпочел бы совершение говорящим *S* акта *A* несовершенному говорящим *S* акта *A*, и *S* убежден, что *H* предпочел бы совершение им акта *A* несовершенному им акта *A*.

(5) Ни для *S* ни для *H* не очевидно, что при нормальном стечении обстоятельств *S* совершит *A*. Условия типа (4) и (5) называются подготовительными условиями.

(6) *S* намерен совершить *A*. Данное условие называется условием искренности.

(7) *S* намерен с помощью высказывания *T* связать себя обязательством совершить *A*. Это условие называется существенным условием.

(8) *S* намерен вызвать у *H* посредством произнесения *T* убеждение в том, что условия (6) и (7) имеют место благодаря опознанию им намерения создать это убеждение, и он рассчитывает, что это опознание будет следствием знания того, что данное предложение принято употреблять для создания таких убеждений.

(9) Семантические правила того диалекта, на котором говорят *S* и *H*, таковы, что *T* является употребленным правильно и искренне, если и только если условия (1)–(8) соблюдены.

Из этого множества условий совершения акта обещания Сёрл выводит пять семантических правил, индексирующих иллокутивную силу обещаний, отмечая, что не все условия релевантны этим пяти правилам, но только лишь условия (2)–(7), в то время как условия (1), (8) и (9) обычно применимы ко всем нормальным (курсив мой. – В.О.) иллокутивным актам и нехарактерны для обещаний [4. С.73]:

(1) *Pr* (*promise*) должно произноситься только в контексте предложения (или в рамках более широкого дискурса) *T*, произнесением которого предсказывается некий акт *A* говорящему *S*, который он совершит в будущем. Называется правилом пропозиционального содержания, которое выводится из условий пропозиционального содержания (2) и (3).

(2) *Pr* должно произноситься, только если слушающий *H* предпочел бы, чтобы *S* совершил действие *A*, вместо несовершения им *A*, и *S* убежден, что совершение *S* действия *A* окажется предпочтительней для *H*, чем несовершение им *A*.

(3) *Pr* должно произноситься, только если ни для *S*, ни для *H* не очевидно, что при нормальном стечении обстоятельств *S* совершит *A*. Правила (2) и (3) называются подготовительными и выводятся из подготовительных условий (4) и (5).

(4) *Pr* должно произноситься, только если *S* намерен совершить *A*. Называется правилом искренности и выводится из условия искренности (6).

(5) Произнесение *Pr* считается принятием обязательства совершить *A*. Называется существенным правилом.

Эти правила имеют определенный порядок: правила (2)–(5) применяются, только если выполнено правила (1), и правило (5) применяется, только если выполнены правила (2) и (3) [4. С. 73].

Анализ условий (6)–(8) совершения акта обещания и соответствующих им семантических правил (4) и (5) представляет особый интерес, поскольку исследование коррелятивности указанных условий и правил позволит нам выявить слабые места в подходе Сёрла – Юрьева и сформулировать свои контраргументы.

Итак, из условия (6) «*S* намерен совершить *A*» следует правило (4) «*Pr* должно произноситься, только если *S* намерен совершить *A*». Но как нам в таком случае различить искреннее и неискреннее обещание? С одной стороны, он отмечает, что эти условия и правила должны применяться (соблюдаться) в отношении «нормальных иллокутивных актов» (по-видимому, он имеет в виду те акты, где соблюдаются *условие и правило искренности*). Сёрл так пытается ответить на этот вопрос: «Самое важное различие между искренними и неискренними обещаниями состоит в том, что в случае искреннего обещания говорящий намерен осуществить обещанный акт, а в случае неискреннего обещания – не намерен осуществлять этот акт» [4. С. 70]. И далее: «Но неискренние обещания – это тем не менее обещания... Давая неискреннее обещание, говорящий не имеет всех тех намерений и убеждений, которые имеются у него в случае искреннего обещания. Однако он ведет себя так, будто они у него есть. Именно из-за того, что он демонстрирует намерения и убеждения, которых он не имеет, мы и описываем его поступок как неискренний... Поэтому, чтобы охватить неискренние обещания, мы должны только заменить содержащееся в наших условиях утверждение о том, что говорящий имеет те или иные убеждения или намерения, на утверждение о том, что он принимает на себя ответственность за то, что они у него есть» [4. С. 72]. Для этих целей Сёрл предлагает просто устранить из условия (9) слово «искренне» и добавить условие (6*) «*S* намерен посредством произнесения *T* возложить на себя ответственность за намерение совершить *A*». По-видимому, Р.А. Юрьев согласен с предложенной линией аргументации, отмечая, что «искренность является необходимым условием для его (речевого акта) осуществления. Однако при этом оказывается, что субъект может выбирать и те основания, обещания по которым даны неискренне. На самом деле, ничто не мешает неискренне пообещать и выполнить далее это неискреннее обещание» [6. С. 184]. И далее: «Принадлежит ли искренность к необходимым условиям обещания как социального акта? Поскольку мы можем представить, что обещание имеет силу, даже если давалось искренне или неискренне, то тем самым условие искренности не является для него необходимым» [6. С. 186]. Исследуем позицию этих двух авторов более детально.

При первом приближении к подходу Сёрла – Юрьева возникает, как минимум, два вопроса. Как нам понять, что *S* намерен или не намерен совершить *A*? И как нам из правила (4) «*Pr* должно произноситься, только если *S* намерен совершить *A*» вывести возможность «неискренне пообещать и далее выполнить это неискреннее обещание»? А при более тщательном анализе возникает другой, более фундаментальный вопрос – может ли неискреннее обещание вообще считаться речевым актом обещания?

Начнем с того, а как нам понять (распознать) намерение говорящего? Остин считает, что «обеспечение иллокутивного акта включает в себя обеспечение усвоения», т.е. со стороны слушающего должно быть «понимание значе-

ния и силы локуции» [2. С. 96], причем обеспечение понимания иллокутивной силы является существенным элементом успешного иллокутивного акта. Стросон же указывает, что если *не реализация*, то, по крайней мере, *наличие цели* обеспечить усвоение является существенным элементом выполнения иллокутивного акта: «Иллокутивная сила высказывания – это то, что, согласно намерению, должны быть понято. И во всех случаях понимание силы высказывания включает распознавание того, что в широком смысле может быть названо намерением, направленным на слушающего, и распознавание его как полностью открытого, как предназначенного для распознавания» [5. С. 55]. Критикуя аргументы Стросона, Сёрл тем не менее с ним соглашается, подтверждая, что при анализе иллокутивных актов мы должны учитывать как интенциональный, так и конвенциональный аспект, и в особенности соотношение между ними: «Совершая иллокутивный акт, говорящий намерен получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение получить этот результат, и далее, если он употребляет слова в буквальном смысле, он хочет, чтобы это опознание было осуществлено благодаря тому факту, что правила употребления произносимых им выражений связывают эти выражения с получением данного результата». [4. С. 66]. Но как в таком случае говорящий намеревается получить результат опознания слушающим его намерения, если дается неискреннее обещание? Когда нам кто-то говорит «Я обещаю, что сегодня не опоздаю и приду ровно в 7 часов», мы распознаем, следуя аргументам Сёрла, пропозициональное содержание этого высказывания, иллокутивную силу данного обещания, намерение говорящего, благодаря правилам, лежащим в основании речевых актов, и конвенциональной связи между определенным рода актами и их социально обусловленными следствиями. Если я говорю «Я обещаю, что сегодня не опоздаю и приду ровно в 7 часов» и говорю это неискренне, не имея ни малейшего желания выполнить это обещание, будет ли в таком случае это речевым актом обещания. Дж. Сёрл и Р.А. Юрьев отвечают – да. Но тогда нам следует отказаться от правила (4) «*Pr* должно произноситься, только если *S* намерен совершить *A*», и соответствующего ему условия (6). О каком перлокутивном эффекте может идти речь, если языковые конвенции не реализуют глубинные определяющие правила речевого общения.

Например, мне говорят: «Я обещаю, что прочитаю эту книгу». Как мы отметили выше, Сёрл утверждает, что при анализе иллокутивных актов мы должны учитывать как интенциональный, так и конвенциональный аспект, и в особенности соотношение между ними. Анализируя структуру данного речевого акта, используя терминологию Сёрла, обнаруживаем, что: 1) иллокутивная цель (иллокутивная цель здесь понимается как часть иллокутивной силы) данного акта – взять на себя обязательства сделать *A* (прочитать эту книгу); 2) пропозициональное содержание – в том, что говорящий *S* совершит некое будущее действие *A* (прочитает эту книгу), что соответствует условиям (2), (3) и правилу (1) пропозиционального содержания речевого акта обещания; 3) имеется эксплицитный перформативный глагол («обещать»). То есть можно сказать, что имеются все необходимые и достаточные для «нормального» речевого акты части, одна из которых служит показателем пропозиционального содержания, а другая – показателем иллокутивной силы (что

Сёрл представляет формулой $F(p)$). Коммуникативный эффект, таким образом, достигается за счет соблюдения условий и правил успешности обещания и при учете интенционального и конвенционального аспектов. Благодаря языковым конвенциям, лежащим в основании правил, мне удастся распознать намерение говорящего и принять его обещания в буквальной форме. Я также принимаю какой-то разумный срок выполнения обещания (поскольку мне не терпится обсудить с говорящим прочитанную книгу). Но если это обещание дано неискренне? Можно ли говорить в этом случае о коммуникативном эффекте? Предлагаемое Сёрлом введение условия (6*), т.е. добавление выражения «возложить на себя ответственность» к уже имеющемуся в условии (7) выражению «связать себя обязательством» или вообще заменить условие (6), также не позволяет различить искренние и неискренние обещания, поскольку в обоих случаях в речевом акте сохраняются как интенциональная, так и конвенциональная составляющие. Идея Сёрла с этой заменой не выглядит убедительной. Из видоизмененного условия (6*) *non sequitur*, что «Я обещаю сделать A », следует понимать как принятие на себя ответственности за намерение сделать A . Ведь Сёрл сам говорит, что условия и правила необходимы для успешности совершения «нормального» речевого акта. Кроме того, непонятно, что Сёрл понимает под «обязательством» (an obligation) и «ответственностью» (a responsibility), вернее, как он эти понятия соотносит.

Сёрл, выявляя слабые места остиновской таксономии речевых актов, в качестве основного пункта критики указывает на то, что Остин классифицирует не иллокутивные акты, а иллокутивные английские глаголы, подменяя тем самым одно другим [3. С.177]. Иллокутивный акт, по мнению Сёрла, это речевой акт естественного языка (английского, немецкого, французского и т.д.). Но всегда ли это так? В качестве убедительного контраргумента выступает исследование африканских диалектов немецкого лингвиста И. Эгнер [8]. Эгнер, исследуя различия между западноевропейскими (в широком смысле) и африканскими языковыми культурами на примере речевого акта обещания, приходит к выводу, что, несмотря на то, что сёрловское определение обещания в целом применимо к анализу обещания в Африке, но тем не менее между обещаниями западной и африканской культур имеются различия, особенно в условиях успешности этого речевого акта. Для африканского говорящего из простого заявления о намерении совершить действие в пользу слушателя совсем не следует обязательство или даже предполагаемая способность совершить это действие. Эгнер называет подобные виды речевых актов «вежливыми обещаниями» (*polite promises*), которые представляют собой, прежде всего, способы удовлетворения культурных ожиданий и средства спасения репутации. В чем суть «вежливых обещаний»? И почему условия успешности (в западноевропейском, сёрловском, понимании) здесь не работают?

Для представителя западной культуры, считает Эгнер, будет неестественным давать обещание, понимая, что оно невыполнимо. Поэтому, если говорящий произносит «Я сделаю работу в срок», то это воспринимает в качестве обещания. Более того, прежде чем дать обещание, западный говорящий желает быть уверенным в том, что он способен выполнить это обещание. Даже тогда, когда говорящий желает совершить действие A , понимая, что слу-

шающий ожидает от него совершения *A*, но если он не находит подтверждение того, что он способен совершить *A*, то он в таком случае не будет давать обещание. Он скажет что-то вроде «Я хотел бы совершить *A*, но, к сожалению, я не могу этого сделать» или «Я постараюсь совершить *A*, но не обещаю». Иными словами, в западной культуре говорящий как бы *связывает* себя данным обещанием, т.е. способность выполнить обещание является необходимым требованием к этому речевому акту (подобно условию успешности (4) у Сёрла). Дать обещание без способности его исполнить – значит получить репутационные издержки («потерять лицо»).

В африканской культуре, напротив, если кто-то не способен совершить действие *A*, которое от него ожидает слушающий, то в таком случае всегда говорят, что говорящего не заботят (или не беспокоят) отношения со слушающим, и ожидания обоих участников речевого общения не оправдываются. Что, по мнению Энгер, существенным образом сказывается на репутации обоих участников. Поэтому, чтобы этого избежать, надо, чтобы каждый делал то, что, по его мнению, от него ожидает слушающий, демонстрируя тем самым свою заботу об их отношениях. Когда говорящий думает, что его поведение именно то, которое от него ожидает слушающий, – этого достаточно для «вежливого обещания» так себя вести, причем обещание его не связывает и не ограничивает (конечно, это не распространяется на так называемые церемониальные обещания). Например, когда кто-то говорит «Я приду на свадьбу твоего сына», но обе стороны знают, что говорящий не придет, то это совсем не означает, что обещание дано неискренне (как это было бы в западной культуре), здесь вопрос об искренности вообще не возникает. Говорящий принимает приглашение прийти на свадьбу и не отказывается в буквальном смысле слова, не придя, но дает «вежливое обещание», сохраняя репутацию и подтверждая тем самым желание продолжить добрые отношения со слушающим.

Этого поверхностного¹ рассмотрения «вежливых обещаний» вполне достаточно, чтобы показать, что требование Сёрла признать иллокутивный акт со всеми его правилами и условиями актом всякого естественного языка не подтверждается на примере речевого акта обещания в африканской культуре.

Учитывая полученные результаты в вопросах искренности обещаний и имея в виду, что языковые конвенции (именно так здесь понимается конвенциональный аспект иллокутивного акта) помогают выявить значение высказывания, обратимся теперь к анализу следующего примера Р.А. Юрьева: «Женатый мужчина пообещал супруге побыть дома, а в то же самое время провести этот вечер с друзьями» [6. С. 183]. Предположим, что автор под этим высказыванием подразумевает речевой акт обещания (в тексте на это нет указания, равно как и нет других примеров обещания), и переформулируем его таким образом, чтоб он не подразумевался, а соответствовал структуре речевого акта. Итак, мы получаем множество коммуникативных ситуаций:

- (i) Мужчина говорит жене: «Я обещаю, что этот вечер проведу с тобой».
- (ii) Мужчина говорит друзьям: «Я обещаю, что этот вечер проведу с вами».

¹ Поскольку без рассмотрения в данной статье остаются такие вопросы, как: «Можно ли средствами традиционной теории речевых актов исследовать “вежливые обещания”?» и «Являются ли “вежливые обещания” речевыми актами обещания?».

(iii) Мужчина говорит жене: «Я обещаю, что этот вечер проведу с друзьями».

(iv) Мужчина говорит друзьям: «Я обещаю, что этот вечер проведу с женой».

(v) Мужчина говорит и жене, и друзьям: «Я обещаю, что этот вечер проведу с вами».

(vi) Мужчина говорит или жене, или друзьям (неважно кому первому): «Я обещаю, что этот вечер проведу с тобой (с вами), но в то же самое время проведу его с друзьями (женой)».

Ситуации (i)–(v) являются стандартными примерами обещаний (или «нормальными» речевыми актами, выражаясь словами Сёрла) и не требуют дополнительного к ним обращения, поскольку, помимо общего соблюдения условий и правил обещания, в них содержатся и сочетаются конвенциональный и интенциональный аспекты в рассмотренном выше смысле. Ситуация (vi), в полной мере соответствующая примеру Р.А. Юрьева, явно выделяется из этого множества. Может ли говорящий *S* при произнесении предложения *T* искренне обещать слушающему *H*, что *p*? Ситуации (i)–(v) показывают, что – да, может. Однако ситуация (vi) имеет другую форму – говорящий *S*, произнося предложение *T*, (искренне) обещает слушающему *H*, что *p* и в то же время что не-*p*. То есть при данной интерпретации ситуация (vi) будет иметь вид (vi*) «Я обещаю, что этот вечер проведу с тобой, но в то же самое время проведу его не с тобой». Наличие явного логического противоречия в ситуации (vi), равно как и в ситуации (vi*), приводит к абсурдному вопросу, кто является в этих ситуациях слушающим *H*, кто должен распознать иллокутивную силу (если предположить, что это речевой акт), намерение говорящего *S*, и, в конце концов, понять, что дается обещание (если опять же предположить, что это речевой акт). Допустим все-таки, что ситуация (vi) имеет некоторые сходства с актом обещания, и попробуем эксплицировать на примере этой ситуации сёрловские условия и правила обещания. Даже достаточно беглый осмотр указывает на трудности этой экспликации, не говоря уже о том, что условие искренности (6) и соответствующее ему правило (4) вообще здесь неуместны. Возьмем, например, существенное условие (7) и соответствующее ему правило (5) и применим их к ситуации (vi). *S* намерен с помощью высказывания *T* связать себя обязательством совершить *A*, а произнесение *T* является принятием обязательства совершить *A*. Как говорящий *S* в ситуации (vi) может взять на себя обязательство провести вечер с женой и в то же время с друзьями, а тем более его исполнить? Как мы видим, отсутствуют также интенциональный (невозможно распознать намерение говорящего) и конвенциональный (отсутствуют языковые конвенции, позволяющие выявить значение высказывания) аспекты. *Ergo*, ситуация (vi), равно как и ситуация (vi*), не является речевым актом.

Сказанного достаточно, чтобы утверждать, что условие искренности «*S* намерен совершить *A*» является необходимым условием совершения речевого акта обещания, а правило искренности «*Pr* должно произноситься, только если *S* намерен совершить *A*», конституирующее обещание как речевой акт является достаточным условием понимания (распознавания) того, что дается обещание. Этот вывод показывает, что требования Дж. Сёрла

и Р.А. Юрьева признать неискренние обещания обещаниями, а, следовательно, речевыми актами, являются несостоятельными и необоснованными. Конечно, есть так называемые церемониальные речевые акты (клятвы, присяги и проч.), где отсылка к условию искренности, действительно, неуместна [9]. Например, президент произносит иннаугурационную речь: «Клянусь при осуществлении полномочий президента уважать и охранять права и свободы человека и гражданина», т.е. приносит присягу, которая является не чем иным, как официальным и торжественным обещанием, вопрос об искренности или неискренности этого обещания не возникает. Но для «нормальных» речевых актов обещания требование искренности обязательно, в противном случае это не обещание.

Литература

1. Грайс Г.П. Значение говорящего, значение предложения и значение слова // *Философия языка*. Изд. 2-е / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал, 2010. С. 75–98.
2. Остин Дж.Л. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике* / под ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 22–130.
3. Сёрл Дж. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике* / под ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 170–194.
4. Сёрл Дж. Что такое речевой акт? // *Философия языка*. Изд. 2-е / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал, 2010. С. 56–74.
5. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // *Философия языка*. Изд. 2-е / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал, 2010. С. 35–55.
6. Юрьев Р.А. «Гильотина Юма» и теория действия в аналитической и феноменологической философии // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 2014. № 2 (26). С. 180–189.
7. Юрьев Р.А. Обещание, институциональная реальность и возможность преодоления скептического аргумента в теории речевых актов Дж. Сёрла // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 2014. № 4 (28).
8. Egner I. Intercultural aspects of the speech act of promising: western and african practices // *Intercultural Pragmatics*, 2006. Vol. 3, № 4. P. 443–464.
9. Harnish R.M. Commitments and speech acts // *Philosophica*, 2005. Vol. 75. P. 11–41.
10. Searle J. Speech acts. an essay in philosophy of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 204 p.

Ogleznev Vitaly V. Tomsk state university (Tomsk, Russian Federation)

PROMISE, SINCERITY CONDITION, AND SPEECH ACTS

Keywords: promise, sincerity condition, constitutive rules, ordinary language, speech acts

The article presents the analysis of a sincerity condition as necessary requirement to successful speech act under the example of J. Searle and R.A. Yuriev's approaches. It is shown that the sincerity condition of the form "S intends to do A" is a necessary condition of doing the speech act of promise, and the rule of sincerity of the form "Promise is to be uttered only if S intends to do A" that is constituting the promise as the speech act is a sufficient condition of understanding (recognition) of that the promise has been uttered. It led to state that J. Searle and R.A. Yuriev's requirements to recognize insincere promises as promises, and, therefore, speech acts, are untenable and wrong.

References

1. Grice G.P. *Znachenie govoryashchego, znachenie predlozheniya i znachenie slova* [The value of the speaker, meaning of the sentence and the word]. In: Searle J. (ed.) *Filosofiya yazyka* [The Philosophy of Language]. Moscow: Editorial Publ., 2010, pp. 75–98.
2. Austin J.L. *Slovo kak deystvie* [The word as the action]. In: Gorodetskiy B.Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1986, pp. 22–130.

3. Searle J. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [The classification of illocutionary acts]. In: Gorodetskiy B.Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1986, pp. 170–194.
4. Searle J. *Chto takoe rechevoy akt?* [What is speech act?]. In: Searle J. (ed.) *Filosofiya yazyka* [The Philosophy of Language]. Moscow: Editorial Publ., 2010, pp. 56–74.
5. Strawson P.F. *Namerenie i konventsiya v rechevykh aktakh* [Intention and convention in speech acts]. In: Searle J. (ed.) *Filosofiya yazyka* [The Philosophy of Language]. Moscow: Editorial Publ., 2010, pp. 35–55.
6. Yuriev R.A. “Hume's guillotine” and theory of action in the analytical and the phenomenological philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2014. no. 2 (26), pp. 180–189. (In Russian).
7. Yuriev R.A. Promise, institutional reality and the possibility of overcoming the skeptical arguments in speech act theory by J. Searle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2014. no. 4 (28).
8. Egner I. Intercultural aspects of the speech act of promising: western and african practices. *Intercultural Pragmatics*, 2006, vol. 3, no. 4, pp. 443–464. DOI: 10.1515/IP.2006.027
9. Harnish R.M. Commitments and speech acts. *Philosophica*, 2005, vol. 75, pp. 11–41.
10. Searle J. *Speech acts. An essay in philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 204 p.